

Юго-Западный
государственный
университет

Администрация Курской
области

АУ КО "МФЦ"

«Ассоциация юристов
России», Курское
отделение

Союз кримиологов и
криминалистов

ОПОРА РОССИИ

Общероссийская
общественная организация
«Опора России» Курское
региональное отделение

Международная ассоциация
содействия правосудию

Общероссийская
общественная организация
"Общественный союз "Человек
и Закон"

Ассоциация поддержки
научных исследований

Ассоциация поддержки
научных исследований

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ

сборник научных трудов
Юго-Западного юридического форума,
посвященного 30-летию юридического факультета
Юго-Западного государственного университета

15-16 октября 2021 года

Выпуск 1

Курск 2021

14. Тропина Т.Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы/ Автореферат дис. на соискание ученой степени канд.юрид. наук. – Владивосток, 2005. 26 с.: [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/kiberprestupnost-ponyatie-sostoyanie-ugolovno-pravovye-mery-borby>) (дата обращения 13.08.2021);

15. Щетилов А. Некоторые проблемы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. XI межд. конф. М., 2002. С. 57.

16. Чекунов И.Г. Современные киберугрозы. Уголовно-правовая и криминологическая квалификация киберпреступлений // Право и кибербезопасность. 2012. С. 35.

17. Преступления, связанные с использованием компьютерной сети: справочный документ для семинара-практикума по преступлениям, связанным с использованием компьютерной сети / Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Вена, 10-17 апреля 2000 года). С.6. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/congress/Previous_Congresses/10th_Congress_2000/017_ACONF.187.10_Crimes_Related_to_Computer_Networks_R.pdf (дата обращения: 13.08.2021).

Росинский С.Б., доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, г. Москва

Rossinskiy S.B.

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕФОРМЕ ИНСТИТУТА
ПРИВЛЕЧЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО
THOUGHTS ON REFORMING THE INSTITUTION
OF PROSECUTION OF THE ACCUSED**

Аннотация. В статье выявляются исторические причины, предопределившие укоренение в российской системе уголовно-процессуального регулирования существующего порядка привлечения в качестве обвиняемого для понимания возможности его реформирования по примеру других европейских государств.

Обосновывается позиция об обусловленности существующего механизма привлечения в качестве обвиняемого сформировавшимися на протяжении многих лет историческими традициями российской уголовной юстиции, во-многом базирующимися на «классической» французской (следственной) модели досудебного производства.

Ключевые слова: досудебное производство; обвинение; предварительное следствие; привлечение в качестве обвиняемого; уголовное преследование; уголовно-правовая претензия.

Abstract. This article is an attempt to identify historical reasons that predetermined the rooting of the existing procedure of indictment as a defendant in the Russian system of criminal procedural regulation in order to understand the possibility of reforming it following the example of other European states.

The article substantiates the position on the conditionality of the existing mechanism of indictment as a defendant by the historical traditions of Russian criminal justice that have been formed over many years, largely based on the "classical" French (investigative) model of pre-trial proceedings.

Key words: pre-trial proceedings; accusation; preliminary investigation; involvement as an accused; criminal prosecution; criminal law claim.

В последнее время в силу вызванной известными причинами потребности в поиске какого-то нового пути дальнейшего развития российской уголовной юстиции среди ученых, практиков, государственных и общественных деятелей, иных специалистов не прекращаются споры о форме и содержании досудебного производства. Причем одним из обсуждаемых и достаточно дискуссионных вопросов является вопрос о дальнейших перспективах существования процедуры привлечения в качестве обвиняемого в том виде, в котором она предусмотрена действующим уголовно-процессуальным законом (гл. 23 УПК РФ), то есть находящегося в ведении следователя автономного юрисдикционного механизма, состоящего в выдвижении в отношении лица уголовно-правовой претензии (обвинения) и последующем производстве комплекса процессуальных действий, обусловленных данной претензией. И в этом нет ничего странного, поскольку ввиду общей направленности предварительного расследования на обеспечение возможности формирования позиции государственного обвинения (уголовно-правовой претензии) как предмета последующего судебного разбирательства [6, с. 18], процедура привлечения в качестве обвиняемого приобретает особое правовое значение и занимает важнейшее место среди множества других, присущих следственной деятельности процессуальных механизмов.

В современных публикациях высказываются самые разные точки зрения о дальнейшей судьбе института привлечения в качестве обвиняемого: от его полной ликвидации до сохранения в неизменном виде. Причем сторонники полного упразднения указанной процедуры либо ее существенного реформирования, в том числе передачи соответствующих полномочий из ведения органов предварительного следствия в ведение прокуратуры, достаточно часто апеллируют к «положительному» опыту других стран, в первую очередь, использующих немецкую модель досудебного производства [1, с. 10; 3, с. 136 и др.]. Кстати, нередко в качестве примеров заимствования подобного «положительного» опыта приводятся соответствующие реформы уголовно-процессуального законодательства, проведенные в некоторых государствах, возникших на постсоветском пространстве (в Грузии, в Казахстане, на Украине, в государствах Прибалтики и т.д.), также активно стремящихся к построению немецко-ориентированных систем досудебного производства.

Сторонники противоположного подхода, выступающие за сохранение существующего института привлечения в качестве обвиняемого, за разумность

дальнейшего использования сугубо следственного порядка выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии, мотивируют свою точку зрения сложившимися за долгие годы национальными и вполне приемлемыми для дальнейшей эволюции уголовной юстиции традициями, возникшими еще во время действия дореволюционного уголовно-процессуального законодательства Российской империи и сопутствовавшими всему последующему развитию отечественной системы досудебного производства [2, с. 129; 5, с. 734 и др.]. В частности, высказывается аргумент, что существующий порядок выдвижения уголовно-правовой претензии является существенной гарантией обеспечения процессуальных прав обвиняемого, тогда как упразднение этого института, напротив, негативно скажется на возможности их продуктивного использования и укрепления [4, с. 755].

Конечно автору настоящей Статьи как человеку, уже не первый год выступающему против резких и поспешных правотворческих шагов, ратующему за разумный консерватизм уголовно-процессуального права, за максимально возможное сохранение исторически сложившихся и во многом соответствующих менталитету российского общества традиций уголовного судопроизводства, намного ближе (что называется, «по душе») именно последняя точка зрения, предполагающая сохранение существующего в настоящее время следственного порядка привлечения в качестве обвиняемого. Между тем, автор вовсе не является кондовым, не желающим принимать ничего нового рутинером, бескомпромиссным апологетом, заступником безусловного сохранения существующей модели привлечения в качестве обвиняемого. Вполне возможно, что ввиду дальнейшего развития правовой доктрины, судебных и правоохранительных органов, а также правоприменительной практики целесообразность указанных реформ станет более явной и очевидной. Но пока эти реформы являются преждевременными! По крайней, мере ни один из высказанных в их поддержку доводов не обладает достаточной степенью убедительности и легко парируется целым рядом контраргументов.

И в первую очередь, трудно согласиться с мнением о ликвидации следственной процедуры привлечения в качестве обвиняемого лишь ввиду «положительного» опыта Германии и других европейских государств, избравших немецкую модель досудебного производства, то есть отказавшихся от реализации юрисдикционных полномочий следственного (судебно-следственного) характера, свойственных другой – французской модели. Тем более, вряд ли стоит в решении этих сложнейших, зреющих десятилетиями проблем полностью полагаться на разумность и безошибочность правотворческой политики некоторых бывших союзных республик, изо всех сил старающихся максимально подогнать порядок осуществления отдельных уголовно-процессуальных механизмов под «прогрессивные» западные стандарты. Желательно бы еще при этом знать подлинные мотивы, побудившие наших «соседей» к проведению таких реформ, в частности, быть уверенным в их детерминированности не исключительно политико-конъюнктурными соображениями. Скорее заслуживает поддержки точка зрения С.Г. Коновалова, справедливо полагающего, что сам по себе зару-

бежный опыт не может свидетельствовать о бесполезности института привлечения в качестве обвиняемого [4, с. 755].

Думается, что любые обсуждения подобных реформы могут начинаться лишь после выявления, уразумения и надлежащей оценки глубинных причин, предопределивших появление в российском уголовном судопроизводстве тех или иных правовых механизмов, в частности существующего порядка выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии. Тогда как многие авторы, ратующие за отказ от следственной процедуры привлечения в качестве обвиняемого, основывают свои позиции лишь некой архаичностью, отсталостью, «несовременностью» действующего законодательства, его несоответствия якобы передовым и подлинно демократическим механизмам, применяемым в наиболее развитых странах.

Между тем, такие глубинные причины безусловно существуют. А их возникновение напрямую связано с особенностями формирования и многолетнего развития советской уголовной юстиции и советского уголовно-процессуального права. В публикациях автора настоящей Статьи уже неоднократно отмечалось, что во-многом унаследовавшая советские подходы современная российская система досудебного производства (кстати, как аналогичные системы, используемые в других постсоветских государствах) представляет собой достаточно необычный и интересный феномен – предполагает вызванное целым рядом причин переплетение элементов, характерных для разных моделей и вариантов уголовного-процессуальной деятельности [6, с. 43]. Российскому предварительному расследованию остаются присущи многие элементы французской модели. Причем наиболее наглядно они проявляются именно в части предварительного следствия, которое, несмотря на особый путь развития, невзирая на множество «изобретений», постепенно вводимых в сферу уголовно-процессуального регулирования начиная с 1917 г., еще сохраняет свою юрисдикционную (судебно-следственную) природу. В отличие от другой предусмотренной УПК РФ формы расследования – дознания, предварительному следствию свойственно более глубокое погружение в обстоятельства дела, обеспечивающее подлинную возможность их полного, всестороннего и объективного исследования в лучших традициях отечественной уголовной юстиции.

Как раз поэтому законодатель и позволяет обвиняемому еще до направления уголовного дела в суд возражать против предъявленного обвинения, давать показания по предъявленному обвинению, заявлять ходатайства о проведении иных процессуальных действий, направленных на опровержение предъявленного обвинения и т.д. Обеспечению этих прав и служит автономная процедура привлечения в качестве обвиняемого. Она позволяет следователю заблаговременно ознакомить лицо с содержанием выдвинутой в отношении него уголовно-правовой претензии и окончательно решить вопрос о дальнейшей юридической перспективе уголовного дела лишь с учетом позиции обвиняемого (его защитника) и сообщенных им сведений по существу указанной претензии, а в случае возникновения потребности в изменении, дополнении обвинения либо частичном прекращении уголовного преследования воспользоваться полномочиями, предусмотренными ст. 175 УПК РФ. И, кстати, именно поэтому

предусмотренный гл. 23 УПК РФ механизм привлечения в качестве обвиняемого присущ только предварительному следствию, предполагающему усложненную, как бы двухэтапную технологию «подведения итогов» досудебного производства, состоящую: 1) в выдвижении обвинительного тезиса посредством специального постановления о привлечении в качестве обвиняемого; 2) в последующем надлежащем обосновании и подтверждении (своего рода «засиливании») данного тезиса в обвинительном заключении. Тогда как дознание, напротив, несмотря на постепенную процессуализацию, на все большее и большее сближение с предварительным следствием, все-таки в чем-то еще сохраняет свою «полицейскую» природу, поэтому предполагает сугубо «полицейский» подход к досудебному производству: быстро и оперативно выявить преступление, обнаружить и зафиксировать его следы, задержать подозреваемого, получить избобличающие его сведения и направить дело в суд. Подобный подход не нуждается в автономизации процедуры привлечения в качестве обвиняемого, поскольку не подразумевает подробного исследования всех обстоятельств уголовного дела, в частности получения показаний от лица по поводу выдвинутого в отношении него «полицейского обвинения» (подозрения), пересмотра обвинительного тезиса с учетом данных показаний и т.д. В связи с чем для дознания предусмотрен более простой, одноэтапный механизм выдвижения уголовно-правовой претензии – вынесение в отношении подозреваемого обвинительного акта либо обвинительного постановления (ст. 225, 226.7 УПК РФ), как бы сочетающих, синтезирующих элементы и постановления о привлечении в качестве обвиняемого, и обвинительного заключения (исключение – ч. 3 ст. 224 УПК РФ).

Кстати, по этим же причинам нельзя согласиться и с другим доводом сторонников ликвидации следственной процедуры привлечения в качестве обвиняемого – ее пониманием исключительно как акта публичного уголовного преследования, как одной из «реперных точек» осуществления уголовно-процессуальной функции обвинения.

В завершении хочется еще раз обратить внимание, что автор настоящей Статьи вовсе не ратует за безусловное сохранение института привлечения в качестве обвиняемого, по крайней мере в том виде, в котором он предусмотрен действующим уголовно-процессуальным законом. Не исключено, что в дальнейшем (возможно, даже в весьма обозримом будущем) ввиду ряда тенденций (к усилению процессуальной экономии, к удешевлению уголовного процесса и т.д.) Российской Федерации все же придется окончательно отказаться от сохранившихся до настоящего времени (к слову, достаточно «тяжелых» и затратных) элементов французской модели досудебного производства, и вместо этого по примеру Германии, Австрии и других европейских стран полностью перестроить систему предварительного расследования по немецкому (прокурорско-полицейскому) образцу, лишаящему процедуру привлечения в качестве обвиняемого какого-либо смысла. В таком случае останется лишь поддержать подобные правотворческие шаги, ну а если повезет – даже принять посильное участие в подготовке соответствующих законопроектов.

В любом случае ясно одно – поднятые в настоящей Статье проблемы могут быть окончательно разрешены лишь посредством четкого понимания учеными и законодателем перспектив дальнейшего развития всей системы уголовного судопроизводства в духе, соответствующем интересам российского общества и государства. И вообще любые реформы системы уголовного судопроизводства, в частности механизмов выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии, должны иметь не только законотворческий, а комплексный характер. И начинать их нужно не с внесения новой (какой по счету?) порции изменений и дополнений в УПК РФ, а с пересмотра государственной идеологии в отношении профессии следователя с повышения уровня его профессионализма, правосознания, правопонимания, ответственности, то есть личностных качеств, столь необходимых для выполнения задач, стоящих перед уголовной юстицией [7, с. 95–96, 100].

Список источников

1. Гаврилов, Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя / Б.Я. Гаврилов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 7–14.
2. Кальницкий, В.В. Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избранные труды / В.В. Кальницкий. – Омск: ОМА МВД России, 2016. – 200 с.
3. Ковтун, Н.Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России / Н.Н. Ковтун // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 123–137.
4. Коновалов, С.Г. Процедура привлечения в качестве обвиняемого как конституционная гарантия прав человека / С.Г. Коновалов // Научные труды Российской академии юридических наук. – М.: Издательство «Юрист», 2019. – С. 752–755.
5. Головки, Л.В. Курс уголовного процесса / Л.В. Головки и др. / под ред. Л.В. Головки. – 2-е изд., исправленное. – М.: Статут, 2017. – 1280 с.
6. Россинский, С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств / С.Б. Россинский. – М.: Норма, 2021. – 408 с.
7. Россинский, С.Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 10. – С. 93–100.

Рябинина Т.К., кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики

Юго-Западный государственный университет, г. Курск

Чистилина Д.О., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

Юго-Западный государственный университет, г. Курск

Ryabinina T.K., Chistilina D.O.

**АВТОМАТИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ СУДЬЕ ПРИ
ПОСТАНОВЛЕНИИ ПРИГОВОРА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ:**

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

AUTOMATION OF THE JUDGE'S DECISION-MAKING PROCESS

WHEN PASSING A SENTENCE IN A CRIMINAL CASE:

ETHICAL ASPECT

Аннотация. Статья посвящена исследованию возможностей использования систем искусственного интеллекта при принятии итогового решения судьей по уголовному делу. Цифровизация уголовно-процессуальной деятельности призвана способствовать ее упрощению и объективизации. Однако процесс принятия решения судьей заключается не только в следовании букве закона, но и в ориентировании на нравственные ценности с учетом профессионального и житейского опыта, что не может обеспечить автоматизированная система.

Ключевые слова: цифровизация, приговор, суд, принципы уголовного процесса, внутреннее убеждение, независимость судей.

Abstract. The article is devoted to the study of the possibilities of using artificial intelligence systems when making a final decision by a judge in a criminal case. The digitalization of criminal procedural activity is designed to facilitate its simplification and objectification. However, the process of making a decision by a judge consists not only in following the letter of the law, but also in focusing on moral values, taking into account professional and everyday experience, which an automated system cannot provide.

Keywords: digitalization, sentence, court, principles of criminal procedure, internal conviction, independence of judges.

Согласно ч. 1 ст. 297 УПК РФ «приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым». Все перечисленные требования должны быть соблюдены в совокупности. Судья, принимая решение по уголовному делу, должен быть объективным и руководствоваться законом. Однако помимо этого, судья, размышляя над решением по конкретному уголовному делу, анализирует исследованные в ходе судебного следствия доказательства и представленные

¹ «Публикация подготовлена в рамках государственного задания на 2021 год по теме «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).